

Глава III

Христианская добродетель по учению святителя Тихона

Собственно, о первой (и одной из главных для святителя) добродетели — покаянии — уже было сказано. Но прежде чем говорить о других, остановимся на понимании святителем добродетели как таковой. «Добродетель, — пишет он, — есть всякое слово, дело и помышление, закону Божию согласное», есть то «истинное и многоценное добро наше, которое ни тлению не подлежит, ни от нас не отлучается; с нами в мире живет, и на оный век отходит, и нас к Богу, высочайшему добру, приводит»⁵¹ (27, 305). Жить добродетельно христианина побуждают любовь ко Христу, обнаруживающая себя в подражании Его добродетелям, в исполнении Его заповедей, и слово Божие, повелевающее как *уклониться от зла*, так и *сотворить благо* (Пс. 33, 15) (27, 305–306).

Добродетель в ее христианском понимании познается только душой, возрожденной благодатью Божией в таинстве крещения, просвещенной Самим Христом; как дар Божий, она укрепляется, возвращается теми благодатными средствами, о которых будет сказано особо. Отдельные же добродетели есть только проявления, различные стороны единой христианской добродетели. Поэтому все

⁵¹ «Где истинная добродетель, — говорит святитель, — там любовь; где любовь, там добрая и покойная совесть; где покойная совесть, там мир, утешение, радость, веселие и сладость» (27, 305–306).

они взаимосвязаны, так что любая попытка выстроить их в ту или иную последовательность весьма условна и предпринимается, как правило, или для обнаружения некоторых закономерностей в духовной жизни, или для удобства описания той единой добродетели, которой в самом общем смысле является правильная и достойная христианская жизнь.

1. Страх Божий

Начало премудрости, которая может служить и синонимом христианской добродетели, и одновременно обозначением цели добродетельной жизни, по слову пророка, есть *страх Господень* (Пс. 110, 10).

Святитель пишет, что есть и как обнаруживает себя страх Божий в душе человека-христианина. Само звание христианина необходимо требует, чтобы мы «ходили везде пред Богом, яко вездесущим и нам везде присутствующим, со страхом и всяким благоговением, по примеру тому, как предстоим земному монарху» (27, 994). Страх Божий «есть как страж верный, который всегда бдит и хранит душевный дом от всякого зла; как стена крепкая и высокая, угашающая мещемые стрелы вражии. Страх Божий не попускает прельститься красотами мира сего, не дозволяет свободно уму рассеиваться, языку много говорить, глазам всего смотреть, ушам всего слушать» (3, 233–234).

Рождается и укрепляется в душе страх Божий в первую очередь «от рассуждения Божиих свойств. Вездесущие Божие показывает тебе, что Бог везде с тобой есть, и над тобой, и пред тобой. Величество Его оскорбляется твоей гордостью, святость Его оскорбляется твоей нечистотой; милость Его твоим жестокосердием, долготерпение

Его твоим нетерпением, любовь Его твоей ненавистью и завистью оскорбляется. Праведен Он: как не убоишься правду нарушать пред праведным? Щедр Он: как не убоишься затворять утробу твою требующим пред щедрым? Благ Он, кроток и долготерпелив: как не убоишься пред благим, кротким и долготерпеливым гневаться, яриться и памятозлобствовать? Наконец, Создатель Он твой, высочайший Господь и Царь твой, Отец твой: как не убоишься и не устыдишься пред Создателем твоим, Царем и Господом бесстрашно поступать?» Рождается страх Божий и «от размышления страшных Его бывших судеб, которые на грешниках, как-то Каине, фараоне, Дафане и Авироне, явились», и памятования, что «временные наказания показывают, что будут и вечные неисправным и ожесточенным грешникам» (2, 152; 3, 235–237). Но собственно рождает страх Божий в человеческой душе, как и делает приведенные выше увещания действенными, «одна только благодать Божия» (27, 1001).

Признаки того, что душа имеет страх Божий, святитель отмечает следующие. «Имеющий страх Божий явно и тайно бережется всяких грехов⁵². Охотно слушает Божие слово и всякое наставление, обличение, чтобы грехи, находящиеся в себе, усмотреть. Не смотрит чужих грехов, но в свою совесть приникает, очищая ее усердным покаянием. Непрестанно и усердно молится и воздыхает, чтобы Сам Бог наставил его» на путь спасения. Удаляется от всего, что может привести ко греху («увеселений, игр, бесед злых»), «уклоняется чести, богатства и утехы мира сего», «пищи же и пития не к сласти и роскоши, но к нужде употребляет», и проч. Наконец, «не только никакой времен-

⁵² Тот же, кто перед людьми не грешит, но грешит тайно, имеет не страх Божий, но страх и стыд человеческий, «людям угождает, а не Богу, и есть лицемер».

ной беды или страха человеческого, но и самой смерти не боится, и лучше соизволяет бедствовать и умереть, нежели согрешить»⁵³ (3, 234).

Напротив, неимение страха Божия, или «бесстрашие, отворяет путь ко всякому злу и беззаконию. Как бо конь свирепый, не имея правителя, бежит куда хочет, так и человек, от природы ко всякому злу склонный, когда лишится страха Божия, аки доброго правителя, на все злое устремляется» (3, 237). И такое состояние не только опасно, но и мучительно для грешника. «Часто слышу я, — пишет в одном из писем святитель, — что Давид святой поет: *тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Пс. 13, 5). Люди боятся человека, но Бога не боятся; боятся потерять временный живот, но не боятся потерять живота вечного; боятся лишиться богатства, славы, чести и успеха, но не боятся лишиться вечных благ, чести, славы и утешения райского; боятся уз, темницы и ссылки временной, но не боятся вечной темницы, уз и ссылки. И тако приличествует им песнь сия: *тамо убояшася страха, идеже не бе страх*»⁵⁴ (6, 302–303). Такой страх, страх плотской, кото-

⁵³ В XIX веке широкое распространение получило так называемое «Слово о страшном втором пришествии Христовом», которое приписывалось святителю Тихону. Как было установлено позже, святителю оно не принадлежало, но этот факт не делает менее ценным (в контексте беседы о страхе Божиим и страхе человеческом) то примечание, которое было помещено в конце одного из списков этого Слова (см.: № 21 Приложения II настоящей работы).

⁵⁴ «Таковые люди подобно детям малым делают, — говорит святитель. — Дети личин и прочих страшилищ, в себе не страшных, написанных, боятся, но не боятся огня и прочего, от чего вред и пагуба бывает; смеются, когда разбойники в дом внидут, и небрегут, когда дом расхищают, и только плачут, когда тии злодеи детские их игралища похищают. Так не имеющие страха и печали о вечности боятся временно лишить благополучия, но не боятся вечного. Сатана, как разбойник, дом душевный расхищает, все отнимает блаженство и живот вечный, кровью Христовой сысканный, — и нерадят о том, не примечая,

рый имеют и нечестивые, по мысли святителя, не причастен любви. И потому то, что делается по нему, не угодно Богу. Этот страх верой изгоняется из сердца, где верой же насаждается страх Божий — плод познания Бога и духовной мудрости.

2. Вера

Добродетелью, исходной для всех других, по мнению святителя Тихона, является вера. Святитель подробно говорит о значении веры для человека, ее признаках и плодах, средствах ее сохранения и укрепления.

Веру святитель определяет как «то, чего не видим или умом не постигаем, но веруем тако быти», и поясняет: «так не видим Бога, но веруем, что есть Бог, есть един. Не постигаем умом, как Бог един естеством, но троичен в Лицах, но веруем, словом Божиим наставляемые. Не видим Христа, Сына Божия, живота вечного, Небесного Царствия, но веруем... В сих и прочих тайнах Божиих разум вере последовать должен, а не вера разуму, чтобы не испытывать умом того, что единой веры требует, но *пленять разум в послушание Христово*» (2 Кор. 10, 5) (4, 6–7).

Веровать во Христа «не иное что есть, — пишет святитель, — как из закона узнавши и сердечно признавши свою бедность и окаянство, из Евангелия же познавши благодать Божию, к Нему *единому*, то есть Христу, под защиту и покровительство прибегнуть, Его *единого* за Избавителя и Спасителя от того бедствия признать и иметь, на Нем *едином* всю спасения вечного надежду

что им оттуда следует гибель. А когда отнимается у них временное, что необходимо следует при смерти оставить, — плачут неутешно, и рыдают, и печалются о том, о чем не должно печалиться, и не печалются о том, о чем печалиться должно» (27, 998).

неуклонно и неотступно утверждать» (4, 125). Действием благодати Святого Духа вера, как «семя некоторое Божественное, при крещении в сердце всякому крещаемому всевается» (27, 131).

В своих творениях святитель неоднократно возвращается к вопросу о соотношении веры и добрых дел. «Неотменно нужно есть хотящему спастись православие, или правую веру, содержать, — читаем в одном из его писем. — Но сие одно не довлеет к спасению (недостаточно для спасения. — Примеч. авт.). Ибо и бесы веруют и трепещут, по словеси апостола (Иак. 2, 19). Якоже бо древо доброе от плодов добрых, так истинная и сердечная вера от добрых дел познается»⁵⁵ (6, 255). Ей святитель противопоставляет веру «мертвую», о которой тот же апостол пишет: *якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 26). Это главное, но не единственное отличие истинной веры от ложной, лицемерной. Приведем здесь, вслед за святителем, и другие признаки «живой веры».

Такая вера научает «Бога, Которого зрит и прилепляется Ему, как малое отроча матери своей, от сердца почитать духом и истиной, и почитать паче всего света Его Единого, яко весь свет пред Ним как ничто, откуда последует истинное и искреннее к Нему послушание». Истинная вера

⁵⁵ Вот как об этом рассуждает святитель в другом месте. «Аще бы кто сказал, что истинная вера есть правое содержание и исповедание правых догматов, правду бы сказал, ибо верному неотменно нужно есть православное догматов содержание и исповедание. Но сие единое знание и исповедание не делает человека верным и истинным христианином. Заключается всегда православных догматов содержание и исповедание в истинной во Христа вере, но не всегда истинная во Христа вера во исповедании православном заклучается», и приводит слова блаженного Августина: «с любовью (вера) христианская есть, без любви вера демона есть. Вера бо святая есть корень и источник добрых дел» (4, 20–22; 27, 143).

побуждает «от всякого греха берещись нелицемерно» и жить достойно христианского звания и Евангелия. Она же «благодарит Бога за все оказанные и показуемые благодеяния от сердца⁵⁶, нелицемерно призывает Его, прибегает к Нему и помощи просит во всяких нуждах, отвлекая от надежды на создание»⁵⁷. Истинная вера «имеет дерзновение и упование на милосердие и человеколюбие Божие⁵⁸,

⁵⁶ А «благодеяния Божии, всему миру от Бога вообще показанные, себе привлекает и присволяет. Аще бо Христос всех возлюбил и Себя за всех предал, — пишет святитель, — то и меня, и тебя возлюбил, и за меня и тебя Себя предал, понеже и я, и ты един от всех. Христос равно за всех умер, хотя смерть Его тем только пользует, которые истинной верой Его приемлют и благодарное сердце ему оказывают» (27, 145).

⁵⁷ Такое упование было у святителя постоянным. «Он столь живую и великую имел веру, — вспоминает И. Ефимов, — что когда случался недостаток в чем-либо нужном как для его собственной особы (даже в сахаре и чае, чего он хотя и помалу употреблял, но что, по немощи его, нужно было), так и для живущих при нем (в хлебе и прочей пище), он по докладу моему о неимении тех вещей, яко нужных к пропитанию, не соизволял делать распоряжение о покупке, а убеждал к терпению. Случалось иногда, что, по недостатку нужной пищи для него самого и для живущих при нем, мы уже склонны были к роптанию, но по терпению дня через два или три, смотришь, все нужное от благодетелей его присылается» (6, «Записки», 45).

⁵⁸ Пример такой дерзновенной веры встречаем в воспоминаниях того же келейника святителя. «Находился при его (святителя Тихона) келлиях некоторый человек, из простолюдинов, который весьма ему был потребен. Он, по случаю простуды, заболел так, что сам почувствовал уже приближение смерти, двукратно причастился Святых Таин и пожелал получить от преосвященного конечное архипастырское благословение. Через силу доведенный до келлии преосвященного, припал-де он, как сказывали, со слезами к его святительским стопам, требуя его молитв о себе, да не оставит его Господь Бог благодатью Своей, а при том-де примолвил: «Владыка святой! Хотя я совсем умираю, но ежели мои малые и недостойные услуги для Вас потребны и моей душе спасительны, то верую, что Господь Бог молитвы Ваши услышит и возвратит мне здоровье». На сие-де владыка со слезами сказал: «Иди, и Бог тебя помилует». И больной через скорое время, не употребляя никаких лекарств, освободился от своей болезни. Великую и

свобождает верующего от греха, смерти, ада, дьявола и прочего бедствия, и Искупителем своим знает единого Иисуса Христа, Спасителя всего мира». Живая вера подвигает христианина «последовать Христу, неся крест свой. Она очищает сердце от всего, что к миру принадлежит, и от всякого греховного обычая, но всегда к будущим и вечным благам взирает, уча тая мудрствовать, тех жалеть, теми утешаться. Вера бо живая с неба приходит и потом верную душу к небу возбуждает и подвигает». Такая вера «злострадания и скорби умягчает, соделывает же радость и веселие в сердце верующего, радость о Господе, Спасителе своем, радость о Дусе Святе. Ибо где вера к Богу, там и любовь к Богу, там и радость о Нем»⁵⁹. Наконец, «вера смиренна, терпелива, кротка, милостива, мирна и проч., и от таковых своих действий в сердце познается». Обновляя человека, она «душу верного таинственно соединяет со Христом, аки невесту с женихом, отчего в вере существо христианского блаженства состоит» (4, 9–15; 5, 150; 6, 261–262).

Наоборот, признаки неверия — «развращенное и беззаконное житие и закону Божию противное; презрение и оставление христианских добродетелей; надежда на самого себя и прочее создание; пристрастие к временным вещам». Также «презрение и оставление слушания или чтения слова Божия; оставление и молитвы; удаление от причастия Святых Таин Христовых». Наконец, «явное не-

живую имел в себе веру святитель сей, и Господь Бог во многих случаях слушал его» (6, «Записки», 43–44).

⁵⁹ «Вера имеет страх Божий и духовную радость, и веселие, — пишет святитель, приводя далее наблюдение, несомненно, из собственного опыта, опыта души, подлинно любящей и боящейся Бога. — И сия в верной душе по переменам действуют, то есть, то страх и трепет она чувствует, то радость и веселие ощущает. Иногда бо сокрывается вера, и тогда боится и трепещет душа; иногда является, и тогда душа утешается, радуется, веселится и восклицает духом» (27, 994).

верия знамение есть отчаяние милосердия Божия», которое «оказывает себя или весьма развратным житием, или безмерной печалью»⁶⁰ (4, 18–20; 6, 150–151). Эти губительные для христианской души состояния возникают не сами по себе и не вдруг. «Вера святая многообразному подлежит искушению», — пишет святитель, упоминая в своих творениях и об этих искушениях, и о путях преодоления их.

«Искушает веру плоть со страстьми и похотьми. Сობлазны мира сего, то есть развращенное и слову Божию противное учение, пример развращенного жития, искру ее угасить нудятся. Сатана и слуги его тщатся искру сию наводнением бед, напастей, гонений и скорбей многих угасить». Наконец, «нет большего и тягчайшего вере искушения, как когда на верное сердце находят смущение, страх и ужас Суда Божия, отчаяние, страх геенны и ада; когда совести жестокое ударение и мучение чувствовать принуждается верная душа; когда помыслы, как волны, восстают и ударяют отчаянием верное сердце: *несть спасения ему в Бозе его*» (Пс. 3, 3) (27, 149).

Эти *стрелы лукавого разженные* отражаются щитом веры, укреплять которую святитель советует, подвигая себя часто с благоговением воспоминать воплощение Сына Божия и размышлять о совершенном Им деле нашего спасения; помнить, что Бог везде есть, все видит, и перед Ним все делаем, мыслим, говорим, что Он как о всех, так и о нас промышляет. «Чтобы живую во Христа иметь веру, должно всякому познать и признать душевную свою бедность и окаянство» и усердно возбуждать в себе память о том, что будет «Суд Христов всемирный, что будет вечная мука

⁶⁰ «Однако ж, — замечает святитель, — кто кается за грехи и безмерную печаль упованием на милосердие Божие преодолевать и победить тщится, — там подвизающаяся вера еще не угасла, хотя и в великой слабости есть» (4, 20).

грешникам, не кающимся истинно и не имеющим сердечной во Христа веры». Ведь мы «в мире сем странники, пришельцы и пленники, отечество же наше не здесь, но на небеси». «Укрепляется и растет вера усердной и частой молитвой», на которой необходимо помнить без сомнения, что «ты пред Богом стоишь и просишь Его о нужде своей, и беседуешь с Ним так, как подданный перед царем своим стоит и просит его, и тогда породится в тебе дух смирения, и страха, и надежды». Укрепляется и умножается вера «прилежным чтением или слушанием слова Божия с твердой мыслью о том, что оно есть истинное слово уст Божиих. Оттуда последует в сердце твоём, — говорит святитель, — благоговение к почитанию слова Божия, усердное хранение заповедей Его святых и веры святым Его и милостивым обещаниям и откровениям». Важнейшим в деле укрепления веры святитель считает причащение Святых Христовых Таин⁶¹. «Уверись точно и утвердись, — пишет он, — что истинно есть Тело Христово и Кровь Его в святейшей Евхаристии. Тогда удивляться будешь благодати Божией и от сердца благодарить Его за сие таинство, не захочешь осквернить совесть и душу твою грехами, но всячески будешь тцаться жить так, как христианину достойно». Тогда, «без сомнения, возбудится в сердце твоём живая вера, любовью, благодарением, терпением и прочими добродетелями действующая» (4, 122; 5, 150; 6, 255–260).

⁶¹ И. Ефимов вспоминает, что сам святитель, «когда бывал здоров и еще не уединялся, почасти в воскресные и другие праздничные дни приобщался Святых Таин, обыкновенно за ранней Литургией, в ризах священнических; когда же находился в уединении, то приносим был монахом потир со Святыми Тайнами к нему в келлию, а когда уже на одре лежал, еще чаще приступал к Святым Тайнам, и с толикой верой, что не точию с плачем, но и с великим рыданием приступал, но после уже целые те сутки вельми весел и радостен бывал» (6, «Записки», 31).

Святитель сравнивает живую веру в сердце христианина со светильником в доме. «Светильник веры зажигается от Духа Святого через слышание слова Божия (Рим. 10, 17). Христиане, которые имеют светильник веры горящий в сердцах своих, изыдут в сретение Жениху Христу, яко мудрые девы. А которые светильника сего не будут иметь в сердцах своих, услышат от Царя Христа: *не вем вас* (Мф. 25, 12). Страшно слово сие слышать от Христа христианам: *не вем вас!* Обратимся убо всем сердцем к Богу, да и наши светильники благодатью Его зажгутся. *Востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5, 14)» (27, 136).

3. Любовь к Богу

В творениях святителя Тихона не встречаем определения любви к Богу. Да и возможно ли оно? Знание сердцем любви Бога к человеку и любви ответной к Богу есть дело духовного опыта, и имеющим такой опыт не нужны определения, не имеющим же его слова не смогут дать то, что открывается лишь чистому сердцу. «Что есть любовь Божия и какие сладости ее, — пишет святитель, — слово изобразить не может, понеже любовь сия есть дело Святого Духа».

И вместе с тем святитель ни о чем другом не говорит так много, как о любви человека к Богу и ближнему. Как от Бога исходящая, она есть именно дар благодати Божией, а не дело человеческих усилий, однако разжечь уже тлеющую искру, поддерживать и усиливать огонь божественной любви есть предназначение пастыря, и святитель в своих творениях, одушевляемый святой ревностью о славе Божией и о духовном преуспейании своей паствы, неустанно, прямо и косвенно, делает это.

В одном из писем святитель говорит о любви к Богу как о всецелом и нераздельном желании души человеческой всегда пребывать со своим Творцом, Искупителем, Промыслителем. Размышляя над словами псалма *что ми есть на небеси? и от Тебе что восхотех на земли?* (Пс. 72, 25), святитель пишет: «Душа благочестивая не точию на земли, но и на небеси ничего не хочет, кроме Бога. Ей и небо без Бога ничто, как и земля. Пусть земная мудрствующие довольствуются иные золотом и серебром, иные честью и славою, иные мудростью века сего, иные роскошами и сластями: да будет им то утешением. Меня ничто то не веселит; от всего того отвращается сердце мое, — ничего не ищу и не желаю, кроме Тебя, Боже мой и Создателю мой! Ты мне един все. Я тогда удовольствуюсь, когда Тебя увижу; тогда перестану желать, когда Тебя сыщу; тогда утешусь, когда к Тебе прииду; тогда насыщусь, когда явлюсь лицу Твоему!» (6, 304). Эти слова, как немногие другие в творениях святителя, передают ту жажду человеческой душой Бога, утоление которой богообщением и есть любовь к Богу крепкому, живому (Пс. 41, 3).

Святитель Тихон не только описывает, но и всесторонне исследует состояние любящей Бога души. В частности, он выделяет те признаки, по которым можно узнать, пребывает ли в человеческой душе любовь к Богу. Главным из них святитель называет исполнение заповедей Божиих, по слову Самого Господа: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21). «Где любовь ко Христу есть, там и послушание Христу неотлучно есть; где послушание, там тщательное исполнение заповедей Его; где заповедей исполнение, там творение добрых дел» (27, 471). Вместе с тем, истинно любящий Бога «тщится волю Божию исполнять не ради страха наказаний, но ради того, чтобы любимого не оскорбить». Он же «ради Бога любит всякого человека, ведая, что всяк человек есть Божий, и Бог его

любит; от всякого греха бережется; Бога в сердце всегда объемлет и носит. Таковому смерть не страшна: он желает, подобно апостолу Павлу, *разрешиться и со Христом жити*» (Флп. 1, 23). Любящая Бога душа имеет постоянное памятование и размышление о Боге, «почему всегда любовью и почтением святое имя Его поминает, радуется о Нем, благодарит Ему, хвалит, поет и прославляет Его с радостью, без лицемерия» (27, 457). Истинно любящий Бога «уклоняется от любви мира сего, во всем ищет славы Божией, а не своей; за честь Божию во всякую беду и саму смерть себя повергает; безропотно переносит всякую беду и напасть, когда же от немощи что согрешит, вельми жалеет о том, скорбит, гневается на себя и повергает себя с любовным смирением пред Создателем и Отцом своим Небесным» (3, 255–256). Любящая Бога душа стремится всегда пребывать в божественной любви, почему «истинный Божий любитель часто молится, воздыхает, плачет, с пророком в сердце вопия: *имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже*» (Пс. 41, 2) (27, 457). Наконец, признак подлинной любви к Богу есть стремление к богоуподоблению, тем более сильное, чем сильнее любовь. «Христианине! — восклицает святитель. — Будем подражатели Богу, Небесному нашему Царю и Отцу; да последуем божественным нравам Его и да делаем то, что Он делает, и так угодим Ему. Любит Он всех: потщимся и мы любить Его от всего сердца нашего и друг друга любить. Свят есть: будем и мы святы. Он праведен есть: будем и мы праведны... Тако уподобимся Ему, тако будем чада Света, тако покажем, что мы не напрасно называем Его Отцом» (27, 458).

Хотя любовь к Богу, как было сказано выше, есть дар Святого Духа, преподаваемый через крещение, слышание слова Божия и веру, но сподобляется его сердце, очищенное покаянием, трудами самого человека уготованное, как

достойный сосуд (5, 328–329). «Кто истинно Бога любит, — пишет святитель, — Того со всяким усердием и прилежанием ищет и посредством и способ к тому употребляет, и всякого препятствия убегает». Препятствие же есть «греховный обычай и любовь суетного мира» (27, 474).

Указывает святитель и «причины, которые при помощи благодати Божией возбуждают любовь Божию. 1. Бог есть благодать высочайшая, естественная, вечная и бесконечная, которая сама по себе уже привлекает всякого к любви Божией. 2. Бог есть любовь, и сама Божественная Его любовь к люблению привлекает сердце человеческое. 3. Бог есть красота всех красот, которой Ангелы и все Божии угодники насытиться не могут. 4. Бог человека по единой Своей благодати, без всякой нужды и пользы Своей создал из небытия и в бытие привел», почтив его Своим образом и даровав ему царственное достоинство в сотворенном мире. Бог, Отец наш, падшего человека не только спас и обновил, но через искупительную жертву Христову и возрождение Святым Духом сподобил большего в сравнении с первозданными людьми. Как Промыслитель рода человеческого, Он «заблудших и отвратившихся со всяким желанием призывает и ожидает на покаяние».

Уже само именование Бога Отцом, по мысли святителя, не может не подвигать человека к любви, ибо каков же тот сын, который не любит своего отца, тем более Отца, безусловно достойного любви в высочайшей степени: ведь Он «вся сия (перечисленное выше. — *Примеч. авт.*) и прочая неведомая благая от единой любви делает нам». Наконец, «Бог хочет от человеков любим быти и так в дружество (которое есть взаимная любовь. — *Примеч. авт.*) с нами войти», чтобы даровать нам блаженство (3, 256–258)⁶².

⁶² «За велико почитаем подданному с царем земным дружество

Следуя Священному Писанию, святитель говорит, что «как естественного, так и писанного закона не иной конец есть, как только любовь одна» (ср.: Мф. 7, 12; 22, 37–40). «Прочая же дарования, как-то: многими языки глаголать, чудеса творить, и прочая, без любви ничтоже суть (1 Кор. 13, 2). Без любви, — глаголет Златоуст святой, — вся дарования ничего не пользуют тем, кои имеют оные» (27, 459, 461). Как огонь всегда стремится вверх, как подсолнечник всегда направляет свой цветок к солнцу, в какой бы части небосвода оно ни находилось, так и «возгоревшееся сердце всегда к центру своему, прелюбезному существу стремится, и ни красота, ни сласть, ни слава, ни страх, ни смерть не сильны тому учинить препятствия (Рим. 8, 38–39). Такой любви сладость мира сего есть горесть, красота — смрад, слава — ничтоже, царство — неволя и пленение. Такой человек на земле ногами, а на небеси сердцем; с человеками живет, но духом Богу любезному предстоит и поклоняется Ему» (27, 464–465).

Но не всякая любовь к Богу есть любовь истинная и спасительная. Как можно, полагая, что любим человека, на самом деле любить себя в нем: его любовь, уважение к себе, вообще пользу, от него бываемую, как можно, любя науку, искусство, на самом деле любить себя в науке или искусстве, так можно, думая, что любим Бога, в действительности иметь любовь «мечтательную» и любить свои чувства, взгляды, свою жизненную позицию⁶³. Поэтому святитель

иметь; коль несравненно больше есть человеку с Богом, убогому созданию с Создателем, земному и перстному с Небесным Царем иметь дружество! Чести сея не токмо словом изобразить, но и умом понять невозможно» (3, 256–258).

⁶³ Так некогда искреннее живое религиозное чувство, возжженное в обратившемся сердце благодатью Божией, при неправильной духовной жизни или при ее отсутствии со временем незаметно превращается из живого знания сердцем Бога в служение идее, дорогой человеку и ревностно защищаемой часто уже только потому, что это *его* вера, *его* убеждения, *его* образ жизни.

пишет и о том, «как и каким образом должно нам Бога любить». Человек призван любить Бога «не токмо паче всего создания, паче всех человек, но и паче самого себя; должен душу и тело, сердце все и разум, память и волю, намерение, начинание, слово, дело и помышление Богу в любовь посвятить, яко вся сия от Бога восприял. Понеже Бог туне, без всякой пользы, человека так сильно возлюбил, то и человеку должно просто, без всякой своей пользы Бога любить». Должен любящий Бога и «Божью волю своей воле предполагать» (предпочитать. — *Примеч. авт.*). Наконец, «не токмо честь и славу свою и всякое благополучие, но и самый живот свой презреть и оставить должен, когда того требует честь и слава Божия»⁶⁴ (3, 258–259).

Отдельно святитель говорит о любви ко Христу. В разделении отношения христианина («должности христианской») «к Богу» и «ко Христу, Сыну Божию»⁶⁵ заключается одна из особенностей богословия святителя Тихона. Но разделение это является методологическим и может быть объяснено, по нашему мнению, во-первых, желанием святителя подчеркнуть одновременно историчность и Божественность Личности Иисуса Христа, напомнить о деле искупления Спасителем падшего человека, в противовес теистическим и деистическим взглядам в современном святителю христианстве⁶⁶. «Само имя — Иисус, то

⁶⁴ Например, «когда злой язык имя Божие хулит, то тогда должны мы не молчать, но стоять за честь имени Его и хульные злоречивые уста заграждать, хотя бы и до изливания крови и лишения живота нашего» (27, 466).

⁶⁵ Названия соответственно 3-й и 4-й статей второй книги «О истинном христианстве».

⁶⁶ В XVIII веке атеизм еще значительно уступал деизму. Но если мир все еще мыслился как огромный часовой механизм, созданный и однажды приведенный в действие гениальным Создателем, то о Христе, об искуплении во времена святителя Тихона уже и в России в высшем обществе говорить считалось признаком отсталости.

есть Спаситель, привлекает сердца наши к любви Своей, православный христианине!» — пишет святитель, далее кратко изображая то, что сделал Господь для спасения ушедшего от Бога человека (4, 127–129), желая напомнить христианам, слишком привыкшим за века к «своей» вере, о ее сути — не просто о Боге, но о Христе. Видим и обратное: через веру во Христа, Сына Божия, верующий приходит к Отцу⁶⁷. Так, рассуждая о вере, обозрением Священной истории как дела спасения человеческого рода возбуждая любовь к Спасителю, святитель говорит: «И тако всяк, приемля Христа истинной верой, верует в Бога, посланного Его; верует в Сына, верует и в Отца, и ко Отцу приходит» (Ин. 14, 6) (4, 112–126). Во-вторых, отдельное изложение «должности христианской ко Христу» может быть объяснено желанием святителя более ярко представить, благодаря богочеловеческой природе Спасителя, должное (или наоборот, недолжное) отношение христианина к другим людям. Так, говоря о евангельской заповеди о любви к врагам (Мф. 5, 44), святитель как бы предвидит возможное возражение: «Как-де мне того любить, который на меня враждует?» и отвечает: «Правда, правильно сие отвещает о себе плотской, душевный человек. Но когда любишь Христа, Который за тебя и меня, врагов Своих, умер, то с охотой и любовью слушаешь то, что Он мне и тебе велит: *любите враги ваша*. Любитель любит того, кого любимый любит. Убо, когда любишь Христа, любить должен и всякого человека, друга твоего и врага твоего». В остальном же «признаки» любви ко Христу, которые

⁶⁷ Основание не только ипостасного различия первого и второго Лиц Святой Троицы, но и познания Отца через Сына — несомненно евангельское. *Никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною*, — говорит Спаситель (Ин. 14, 6). В другом месте: *иже аще приимет сие отроча во имя Мое, Мене приемлет; и иже аще Мене приемлет, приемлет Пославшаго Мя* (Лк. 9, 48).

далее указывает святитель («любитель с любимым всегда неразлучно быть желает», «любимого волю исполняет», «любимого бережется оскорбить», «любимого нраву последует», «едино с любимым мыслит», «любимому славы и чести хочет» и др.), совпадают с теми, которые были названы выше (4, 127–145).

В заключение приведем рассуждение святителя, как бы отвечающее на распространенный упрек христианам в том, что желание Богом любви к Себе якобы несовместимо как с Его трансцендентностью, так и с Его самодостаточностью и всеблаженством, не зависящими ни от чего внешнего. «Хотя Бог и хочет, — говорит святитель, — чтобы мы Его любили, однако ж не ради Своей какой пользы хочет того, но ради нашей пользы. Бог бо Сам в Себе блажен есть, польза же нам двоякая последует от любви Божией. В сем веке радость духовная от благодатного в сердце любящем Божия обитания. А понеже не может совершенная zde быти любовь ради немощи нашей, радость сия совершится в будущем веке, идеже верные сладкого того лицезрения без конца насыщаться будут» (3, 259–260).

4. Любовь к ближнему

От любви к Богу неотделима любовь к ближнему. «Кто любит Бога, тот непременно любит и ближнего», — говорит святитель и продолжает, как бы отвечая на вопрос евангельского законника «А кто мой ближний?»: «Всякий человек друг другу есть ближний. Когда я помощи от тебя требую, то ты мне ближний должен быть, а когда ты помощи от меня требуешь, то я тебе ближний должен быть»⁶⁸

⁶⁸ «Любовь, — замечает святитель, — не смотрит на лица, не разбирает чина; она там отлагает преимущества титула своего, где нужда

(3, 306). А потому «не родство, но нужда и бедность, не близость крови и плоти, но союз любви и милосердие делает нас ближними». Сам Христос, Сын Божий, по мысли святителя, «видя нашу бедность, сотворился ближним нашим». Наоборот, «имени сего — ближний — отрекаются те, которые, видя бедность человека, хладно или, паче, бесстыдно говорят: «Что мне до его нужды?» Тем более «те, которые не только не помогают бедным, но и бесчеловечно их последнего лишают» (3, 306–307).

Подробно говорит святитель Тихон о «причинах, поощряющих нас к любви взаимной». Любовь к ближнему есть выражение нашей любви к Богу (1 Ин. 4, 20–21). Все люди друг другу братья, как имеющие «единого Отца Бога, единого Христа Сына Божия и единого Духа Святого, единого Триипостастного Бога Промыслителя, Законоположника и Судию»; как имеющие и единого родителя по плоти — Адама; как причащающиеся единых Святых Таин, слушающие единое слово Божие, как члены единого тела Христова — Святой Церкви. Тот, кто нелицемерно любит ближнего, «истинный Христов ученик есть» (Ин. 13, 35) и «пребывает в Боге» (1 Ин. 4, 16). Тогда как без любви (и к Богу, и к ближнему) прочие дарования не приносят нам никакой пользы, ибо, по святому Иоанну Злато-

бедного требует». Насколько был верен этому евангельскому учению великий святитель, показывает, между прочим, следующий случай. «Тихон гостил в Ельце. Однажды является к святителю бедная елецкая мещанка с пятью малолетними детьми. «У меня нет ни куска хлеба, ни копейки денег, — говорит она святителю, — да и работать не могу: утратила с ними, с детьми, силку свою. Помоги, владыка, чем можешь». Живо тронулся святитель положением семьи: мальчиков взял к себе на воспитание, остальным помог деньгами... Но замечательно: вопреки господствовавшему тогда величанию «благородием своим, именами и титулами своими», святитель не оставлял и потом, когда приезжал в Елец, лично навещать бедную мещанку. Когда не застанет хозяйку дома, оставит деньги на столе и уйдет» (6, «Записки», 54).

усту, «любовь более всех жертв и приношений, и никакой жертвы не приемлет Бог без любви»⁶⁹. Того, кто не любит ближнего, святой апостол Иоанн Богослов прямо называет *человекоубийцей*⁷⁰ (1 Ин. 3, 15) и пребывающим в смерти (1 Ин. 3, 14). Напротив, «общее благополучие от взаимной любви процветает». «О, коль благополучно жили бы все, ежели бы друг друга взаимно любили! — пишет святитель. — Не было бы тогда воровства, разбоев, убийств, насилия, обманов, лукавства, злословия, клеветы, насмешки, ругательства; не укрепляемы бы были для сохранения имений клети, не нужны были бы замки; не было бы столько плачущих, не слышались бы жалобные гласы на небо вопиющих вдовиц, сирот, бедных и беззащитных людей; не были бы наполнены темницы за долги, за вексели и недоимки сидящими узниками; не было бы, наконец, нища и убога, но все бы безопасно, покойно, мирно было. О, любви, любви, союз совершенства — любви! Коль многих мы благ лишаемся, когда тебя не имеем! С тобой все добро и благополучно, а без тебя все худо и неблагополучно» (2, 158–159).

⁶⁹ «Что пользует молитва без любви? — вопрошает святитель Тихон. — Что славословие и пение? Что созидание и украшение храмов? Что умерщвление плоти, когда ближний не любитя? Весьма ничтоже... К таким Христос с высоты отвечает: *шедше научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы*» (Мф. 9, 13).

⁷⁰ Святитель усиливает, раскрывает это часто лишь метафорически воспринимаемое именование. «Не токмо тот убийца, который руками, мечом или каким другим оружием убивает, но и который путь к смерти стелет или не избавляет от смерти, когда может. Не помогаешь утопающему в воде, когда можешь: убийца есть. Не пуцаеши в дом твой от мраза трясущегося: убийца есть. Отнимаешь у ближнего твоего одежду, которой одевается, отнимаешь пищу, которой насыщается: убийца есть. Клевещешь и злословишь ближнего твоего: как мечом, уязвляешь его языком твоим. И ты, и другой, и третий не помогли ему в бедствии его, погибели его виновны, ибо могли отвратить погибель его помощью своей, но не хотели; не хотели, понеже любви не имели» (3, 313–314).

Еще в большей степени христианская любовь проявляется в заботе о духовных нуждах наших ближних, «ибо тело и польза телесная престаает, а душевное спасение во веки пребывает, и ради того более о душе как нашей, так и ближнего попечение иметь должны мы, когда хотим ближнего нашего любить, как себя»⁷¹ (27, 483).

Подробно говорит святитель и о плодах христианской любви, заимствуя их именованья и последовательность из 13-й главы первого послания святого апостола Павла к коринфянам. «Любовь долготерпит, — пишет святитель, — и любящий ближнего своего не отмщевает ему за обиду нанесенную, но великодушно сносит, а за обидевшего молится и ему соболезнует, причитая ту обиду общему врагу диаволу. В сем он подражает Христу, молящемуся: *Отче! отпусти им: не ведают бо, что творят* (Лк. 23, 34). *Любовь милосердствует, и любящий ближнего своего страждущему состраждет, с бедствующими бедствует и тщится помощи бедствию его, не щадит себя, чтобы ближнего бедствию пособить, и так бедствие его, а свое благополучие с ним пополам делит. К сему всех нас увещевает Христос: *Будите милосерди, якоже Отец ваш небесный милосерд есть* (Мф. 5, 48)⁷². *Любовь не завидит.**

⁷¹ И в первую очередь к проблеме такой духовной помощи относится ответ святителя на вопрос воображаемого собеседника: «Я-де сам грешник: как мне других увещевать?» «Правда, — отвечает святитель, — никто без греха. Но ты в таком случае подражай доброму лекарю, который иногда сам недомогает, но больного лечит. А когда такую любовь и милость покажешь ближнему твоему, то и сам от Бога получишь, по оному: *блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7). *Любовь сыщет слова, коими можешь созидать ближнего: она представит тебе способ, и ум, и язык твой направит*» (27, 483–484).

⁷² Эта ссылка в «Творениях» ошибочна. В указанном месте в Евангелии от Матфея: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть*. Цитируемые же святителем слова приводит святой евангелист Лука (6, 36). Но параллель примечательна: Сам Господь, слова Которого передают евангелисты, отождествляя милосердие и

Зависти дело есть о благополучии ближнего скорбеть и о радости унывать. В любви язва сия душевная не имеет места: она счастье ближнего и несчастье за свое вменяет, с плачущими плачет и с радующимися радуется (Рим. 12, 15). *Любовь не превозносится, не гордится.* Гордости дело есть ближнего презирать, себя возвышать. Любы не так: она себя уничижает, других выше себя ставит, всех почитает, перед всеми смиряется, высшим послушна, равным учтивая, низшим снисходительна⁷³; прежде себя, нежели

христианское совершенство, показывает, что есть подлинное милосердие и в чем заключается истинное совершенство. «Объявлю теперь, — пишет о святителе В. Чеботарев, — о милостивых и милосердных его деяниях. Он с охотой внимал гласу вопиющих к нему: питал сирот и беспомощных, милосерд был к нищете и убожеству, словом, он все раздавал, как-то: деньги, кои из казны получал (пенсия в 500 рублей, назначенная святителю при оставлении кафедры. — *Примеч. авт.*), и что привозили к нему старшины донских казаков; также из городов Воронежа и Острогожска благородные и купцы богатые присылали немалое количество денег, но он не только деньги, но и самое белье раздавал, а оставалось лишь то, что на себе имел, и хлеб, который присылали благодетельные господа помещики, но и того еще недоставало: он покупал еще и раздавал. И одежду, и обувь получали от него бедные и неимущие, для чего покупал он шубы, кафтаны, холст, а иным хижины покупал, иным скотину. Мало сего, даже и деньги занимал. Когда все раздаст, скажет мне: «Пойди, пожалуй, в Елец и займи денег у такого-то купца; я отдам ему, когда из казны получу, а теперь у меня нет ничего; вот приходит бедная собратия ко мне, и отходят без утешения, жалко мне и смотреть на них». Иногда бывало, что приходящему бедному и откажет, но только распросит, откуда и какой человек; на другой день приходил в сожаление, призовет меня и скажет: «Вчера отказал я такому-то бедному, возьми деньги, пожалуй, отнеси ему; так, может быть, и утешим его». И всем бедным, приходящим к нему, весьма удобный был приступ» (6, «Записки», 13).

⁷³ Отмечая радушие святителя ко всем, к нему приходящим «обоего пола и разного звания», И. Ефимов вспоминает, что «с простолюдинами обхождение для него приятнее всегда было. Выйдет, бывало, на крыльцо или рундук келейной, посадит их подле себя и разговаривает, то о состоянии их жизни, а с престарелыми мужами о прошедших временах. Случалось, что простолюдин совсем и не знает, с кем он разго-

других, осуждает, себя укоряет, а не других, как и апостол пишет: *друг друга честью больше себе творите* (Флп. 2, 3). *Любовь не безчинствует*, но и срама не боится ради любимого, она не стыдится одеянного в рубище, хотя сама порфирой и виссоном украшена; не стыдится в темницу смрадную войти, хотя сама в чертогах обитает⁷⁴. Так Христос, Сын Божий, сокрыл величество Божества Своего под плотью человеческой, чтобы так удобнее мог бедствию нашему помощи. *Любовь не ищет своего*. Истинная любовь тщится с радостью и веселием любимому благотворить, и благотворить без всякой своей пользы. Она в сем уподобляется плодовитому дереву, которое плодами своими не себя, но других питает; уподобляется солнцу, которое не себе, но нам светит и нас согревает; или паче последует вечной оной и несозданной Любви и Благости, Которая вся благая нам подает без всякой Своей корысти. Истинная любовь *не раздражается*⁷⁵, не гневается на ближнего,

вор имел, ибо простое преосвященного одеяние сан его святительский скрывало. Нищелюбивые имея свойства и отличные душевные качества, не гнушался он с оными простолюдинами в своих келлиях и пищу употреблять из одной посуды; ибо у него нередко для принятия их уготовляем бывал стол, приличный их состоянию» (6, «Записки», 27).

⁷⁴ В. Чеботарев пишет о святителе: «Не оставлял он и в темнице сидящих посещением своим; в городе Ельце острог два раза своей особой лично посетить изволил и утешал сидящих под стражей узников полезными наставлениями, снабжал деньгами и прочим» (6, «Записки», 15). О тех же посещениях И. Ефимов рассказывает: «Преосвященный любил ходить туда в ночные часы, скрыв свой сан под простым одеянием, как для посещения больных колодников, так и ради подаяния милостыни; а на Пасху первого дня, приходя в тюрьму, со всеми христосовался» (6, «Записки», 27).

⁷⁵ Святитель часто повторял свою любимую мысль, что «все от нелюбви»; что «если бы была у нас любовь, не было бы нищих и убогих, люди не ходили бы в рубищах и полунаги: любовь бы их придела; не скитались бы без домов: любовь не допустила бы их до того, но дала бы им место упокоения». Не ограничиваясь единовременными пособиями нуждающимся, святитель устроил в Ливнах, Орловской губер-

хотя от него и обиду примет. И не только за обиду не воздает, но и в сердце гнева не имеет на обидевшего. И так не токмо не делает, но *ниже мыслит зла*. Хотя иногда и являет гнев свой, но гнев тот стремится на грехи, а не на человека. Таковой гнев пастырям и начальникам есть нужный⁷⁶. Их дело есть собственную свою обиду кротко претерпевать, а когда закон Божий нарушается и ближнему обида наносится, за то крепко стоять, не молчать, а насильников усмирять. *Любовь не радуется, а болезнует о неправде*, когда ближнему обида делается, понеже она ближнего благополучие и злополучие за свое вменяет⁷⁷. *Любовь радуется*

нии, богадельню для бедных. Замечательно, в какой степени занимало это дело святителя. (Замечательно и то, как явлена при этом и любовь, «не ищущая своего», «не раздражающаяся», но в самой заботе о пользе дела сохраняющая истинно христианское смирение). Он входил в самые мелкие подробности при устройстве этого учреждения. Мельчайшая неудача отнимала у него покой. Когда местный священник, которому поручено было ближайшее наблюдение за работами, донес ему, что за распутицей дело это нынешним осенним временем исправиться не может, и не благоволено ли будет перевозку материалов отложить до пути, святитель отвечал ему письмом, в котором умоляет его «ради Христа постараться, не можно ли ныне построить, чтоб было где бедным покоиться на пристойном месте» (6, «Записки», 56).

⁷⁶ В «Дополнениях к „Запискам“» В. Чеботарева говорится, что «в судебных определениях святителя (в бытность его правящим архиереем. — Примеч. авт.) видели не столько судью, карающего грех, сколько пастыря, заботливого об исправлении виновного. «Хотя и следовало бы, — писал святитель (ноябрь 1764 г.), — священника (за тяжкую ссору) перевести (в другое место), однако же оставляется на прежнем месте, чтобы дом не разорился... Отпустить с подпиской, чтобы крайне берегся ссоры, в которой не следует приступать к алтарю, по слову Христову» (6, «Записки», 48).

⁷⁷ И. Ефимов вспоминает историю, имевшую место уже при преемнике святителя по кафедре. «Два родных брата, из церковнослужителей, по клеветанию, отданы им были в военную службу и отосланы в далечайшие пограничные места. Уже немалое время тому минуло. Однажды преосвященный (святитель Тихон) ходил за монастырем, углубленный в душеспасительные размышления, и внезапно повидел

о истине. Так радуются Ангелы святые и все угодники Божии, когда грешники каются о грехах своих и добрые дела творят. *Любовь вся любит, добрых и злых не выключает от благоволения и благотворения своего, в чем подражает Небесному Отцу, Иже солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5, 45). *Любовь всему веру емлет. Любовь бо есть чистосердечна, не лукава, не лестна, и ради того, какова сама, так и о прочих мнит и подозрения не имеет. Любовь вся уповаает, вся терпит, любы николиже отпадает.* Ныне верные веруют, надеются и любят; но в будущем веке увидят, что веруют, получают, чего надеются, и только любовь не престанет, ибо Бога будут видеть во веки, Которого будут любить; и друг с другом совокупно будут во веки, и так друг друга будут любить. Сими плодами Бога и ближнего любящая душа изобилует! В себе смиренна, но от Бога превознесенна; вне убога, но внутрь богата; вне презренна, но внутрь почтенна; от мира умалена, но от Бога возвеличена!» — так оканчивает свою вдохновенную песнь христианской любви святитель Тихон (2, 157–158; 3, 307–311).

Отличительное свойство христианской любви к ближнему святитель видит и в том, что она должна быть согласна с любовью к Богу и законом Божиим. «В противном случае, — пишет он, — любовь к человеку должна уступить любви Божией. Бога бо должно любить паче всякого создания, паче всякого человека и паче себя самого» (27, 485).

оных церковных малых детей, сидящих в рощице (которая близ монастыря была) плачущих и рыдающих. Убежден будучи жалостью и состраданием, подошел он к тем малолетним детям и спросил о причине их слез. Разведав обстоятельства о доносе и обвинениях и нашедши наказание их неправедным, вступился он за сирот и приложил все старание взыскать оных церковников и возвратить из службы... Что же? Ведь старательством его церковники те были из службы возвращены и к своим местам определены» (6, «Записки», 31–32).

Наконец, как и любовь к Богу, любовь к ближнему «должна быть в сердце, а не на языке. В сердце имеет любовь, кто, видя нужду ближнего, пооществует ему» (27, 487). Если же сердце не согрето любовью, то лишь внешнее благочестие не принесет пользы. Молитва, пост, украшение храмов, по мысли святителя, сами по себе похвальны, но лишь как орудия стяжания любви, «которая в сердце кроется, а из дел познается».

Высочайшим подвигом, уподобляющим подвизающегося в нем Самому Спасителю, является любовь к врагам, под которыми «разумеются те люди, которые нам словом или делом какие-либо озлобления делают» (3, 336). И они, имея нужду в нашем прощении и молитве, да не вменится им вражда к нам, являются нашими ближними.

«Трудная, признаюсь я, — говорит святитель, — трудная вещь есть — растленному нашему естеству любить врагов, но сего должность христианская требует» (2, 159).

О самой возможности любви к врагам святитель пишет, как бы отвечая воображаемому собеседнику, говорящему: «Невозможно-де мне любить врагов и добро творить им». «Неправда. Возможно было Давиду, который плакал о погибших врагах своих Сауле и Авессаломе. Возможно было святому Стефану, который за врагов своих, побивающих его камением, молился: *Господи, не постави им греха сего* (Деян. 7, 60). Возможно было и всем святым, убо возможно и тебе. Ты человек, и они человеки были; ты немощен, и они немощь туюжде имели» (27, 500).

Помимо общих побуждений к любви к ближнему, святитель особо приводит «причины, которые возбуждают нас к люблению врагов наших». Любить их «Христос повелевает, воля Небесного Отца от нас хочет, вечная Божия правда требует». Через исполнение этого повеления любящий врагов своих уподобляется Самому Христу и становится сыном Божиим по благодати, «ибо таковой нрав

Небесного Отца на себе изображает, Который *солнце Свое сияет на злыя и благия*» (Мф. 5, 45). Любовь к врагам есть высшая степень любви, и «христианская добродетель не в том состоит, чтобы токмо любящих любить, но всех без своей пользы». Научаясь этому, христианин самого себя побеждает, и «победа сия преславная и славнейшая есть, нежели грады и государства побеждать». Подвигают христианина любить своих врагов примеры святых угодников Божиих. Понуждающий себя любить врагов получает пользу и для жизни нравственно-аскетической. «Враги наши нас смиряют, — пишет святитель, — гордость, тщеславие, самолюбие наши низлагают, приводят нас в познание себя самих и немощи нашей, возбуждают нас к молитве усердной и так, хотя не с сим добрым намерением гонят нас, душевными благими обогащают нас, когда злобу их любовью побеждаем». И совесть наша «спокойнейшая бывает, когда не мстим врагам. Как огонь огнем не гасится, так гнев гневом не побеждается; враг наш истинный есть диавол, против него и надо вооружаться». Людям же, «которые хитростью его прельщаемы, гонят, должно духом любви соболезновать, что его слушают». Тем более, что действуют они не без поущения Божия и «суть аки бич, имже Бог нас наказует», призывая к покаянию и исправлению. «К тому же, часто бывает, — повторяет святитель общую святоотеческую мысль, — что враги наши после жалеют и каются, что гнали и озлобляли нас», и через это получают прощение, а мы, не зная этого и осуждая Богом уже оправданных, сами подпадаем осуждению. Но даже если этого не происходит, все равно «жалеть более должно о врагах, а не гневаться на них, ибо более гонят себя, а не нас, и более губят себя, нежели нас»⁷⁸ (2, 159–160; 3, 336–340).

⁷⁸ «Во враге твоём вражда и злоба достойны ненависти, — увещевает святитель, — сам же он достоин любви». И. Ефимов пишет:

Святитель на подлинно христианскую любовь смотрит уже не как на чувство (так или иначе всегда страстное), а как на свойство души: стяжавший ее человек уподобляется печи, которая отдает свое тепло всякому, кто оказывается рядом с ней — согретая любовью, стяжавшая ее душа источает ее всем (27, 496). Такая любовь, в отличие от естественного, врожденного чувства, есть именно свойство души, преображенной благодатью Божией⁷⁹. Но для стяжания такой любви необходим труд, который некоторым может показаться непосильным. И святитель, как бы обращаясь к таковым, говорит: «Дети, учащиеся

«Преосвященный такие имел свойства души, что когда его ругали, поносили, порочили и клеветали, он только горько плакивал о таковых; сожалея о них, он виновником всего поставлял врага Божия и христианского, дьявола. А когда кто из таковых, очувствовавшись, с признанием виновности своей просил у него прощения, то, бывало, обнимет его с радостными слезами, целует его и прощает от сердца, любовью наполненного». Так было с одним капитаном, который, тайно оставив жену и детей, более года неотлучно жил со святителем и пользовался его любовью и доверием. Но имея только вид благочестия, этот человек однажды, подделав подпись святителя, послал ко многим его благодетелям письма, как бы от лица святителя, с просьбой о вспоможении ему ввиду якобы предполагаемой поездки на родину. Обман раскрылся, однако «преосвященный, будучи любовен ко всем, и к самим врагам, по Христову словеси, от сущего смирения простил ему и терпеливо все от него снес. Но как он лжи и обмана терпеть не мог, и хотя был кроток, смирен сердцем и великодушен, однако на глаза к себе обманщика и лживого не мог допустить, а на письмо его отписал к нему» (см.: письмо № 14; 6, 292) (6, «Записки», 33).

⁷⁹ И. Ефимов вспоминает о святителе: «Случалось, что когда он сам своими руками раздавал деньги бедным, коих иногда довольно собиралось количество, и узнавши нужды каждого, иному даст больше, а другому меньше, то сей, возроптав за лишнее другому подавание, в глаза начинал бранить преосвященного и именовать весьма непристойными словами; но преосвященный не только чтоб оскорбляться на таковых ругателей, но улыбаясь, как бы на малых детей, давал иногда ответ таковой: «Ну, брани, брани больше!» Потом и еще таковому придаст, для того единственно, дабы, удовольствуясь подаванием, пошел безропотно от него» (6, «Записки», 33).

книжному чтению, прежде научаются литер, потом складу, а далее и читать научаются. Так христианам первее должно научиться добро за добро воздавать, что есть благодарность; потом зло за зло не воздавать, обиды за обиду и не отмщевать ни словом, ни делом обидевшему; а далее, и врагов любить, и добро творить ненавидящим, и добро за зло воздавать. Сия есть лествица, которой христиане восходят к совершенству, то есть к любви врагов» (27, 501).

5. Надежда

Вера, представляя «будущая благая, яко настоящая, и невидимая, яко видимая», рождает в христианине надежду на прощение грехов, помощь Божию в деле спасения и достижении Царства Небесного.

В творениях святителя Тихона можно выделить два главных аспекта в понимании христианской надежды. Во-первых, это надежда на всемогущую помощь Божию, подаваемую во всех обстоятельствах жизни христианина. Во-вторых, это надежда на милосердие Божие и прощение кающегося грешника.

«Не все едину имеют надежду, — пишет святитель. — Иной надеется на князей и сынов человеческих, иной на богатство, иной на разум свой... Едины истинные христиане, все прочее оставивши, на единого Бога надежду свою полагают» (3, 295). Оба упования одновременно в сердце быть не могут: «ложно глаголет к Богу: *Господи Боже мой, на Тя уповах* (Пс. 7, 2), кто уповает на создание Его и прочее, кроме Бога, ибо упование от дел познается, как и вера, а не от слов» (2, 198).

Однако даже для самого человека не всегда бывает очевидно, на кого в действительности он имеет надежду.

Подлинное упование сердца обнаруживается явственно главным образом в испытаниях, бедствиях. «Тут познается известно, — пишет святитель, — кто на кого надеется. Кто в неблагополучии не отступает от Христа надеждой, но к Нему прибегает и помощи просит, тот истинно и сердечно надеется на Него. А кто в неблагополучии, оставивши Христа, к созданию, то есть человеку, богатству, чести и проч. уклоняется и оттуда помощи ищет, тот никакой надежды не имеет на Него, хотя устами и исповедует» (2, 189–190). Поэтому христианской надеждой «назваться может такая добродетель, которая подвизается против дьявольских козней, против упования на самого себя, на свои силу, разум, благочестие, богатство, словом, против упования на все то, что кроме Бога есть, и в едином токмо человеколюбии, всемогуществе, истине Божией утверждаться тщится; или есть вера, отводящая сердце наше от надежды на нас самих и на прочие создания, и к единому Богу приводящая» (3, 297).

Но почему надежда не на Бога является грехом? Святитель приводит следующие причины. «Надеющийся на создание» нарушает уже первую заповедь Десятословия: *Аз есмь Господь Бог твой*; подпадает и проклятию пророка, который говорит: *проклят человек, иже надеется на человека* (Иер. 17, 5), а равно на любое другое творение. Полагающему свою надежду не в Боге невозможно должным образом молиться: молитву раздвоенного к земле и к небу сердца Бог не приемлет как для Него оскорбительную и для человека неспасительную (Иак. 1, 8). Надеющийся на кого-нибудь или на что-нибудь, кроме Бога, лишает себя покоя, «ибо всякое создание пременению подлежит, и потому непостоянно, само помощи, подкрепления, хранения Божия требует. Так, надеющийся на князя боится, чтобы его милости не лишиться; богатый опасается, чтобы богатства не потерять. Едина надежда на Бога ничего не боится. Ибо Бог

непременен и во веки пребывает». Наконец, истинна надежда только на то, на что сможет человек положиться в час отшествия своего из этой жизни. Но «все оставит нас тогда, един Христос, Искупитель наш, не оставит». Таким образом, лишь надежда на Бога есть надежда истинная, подлинно христианская, и утверждаться в ней святитель увещевает, размышляя о свойствах Божиих. «Бог есть вечный, живой и бессмертный, убо и надежда на него непоколебима. Бог есть всемогущий, и все может сделать и для нас. Бог есть премудрый, и знает, как помощі, избавить и спасти. Бог есть преблагий и милосердый, и хочет нам благотворить и нас помиловать. Бог есть истинный, и солгать не может в Своем обещании призывающим Его помощі и спасти». Укрепляется надежда благоговейным чтением или слушанием Священного Писания как источника христианского упования и утешения, памятью о всемогуществе и вездеприсутствии Божиим, а также «размышлением прежде бывших Божиих благодеяний» (3, 295–297).

Непременным условием пребывания в сердце истинной надежды является непорочность совести. «Какой надежде там быть, — спрашивает святитель, — где совесть, раздраженная грехами, непрестанно судом Божиим грозит? Надежда в совести, упокоенной от грехов, жилище свое имеет» (27, 587). Но «грешников, переставших грешить и кающихся», Бог слышит, как услышал Манассию, ниневилян, Закхея, а потому «таковым не должно упования своего отлагать, но без сомнения ожидать милости Божией о Христе Иисусе» (3, 299). На чем основывается это упование, правомерно ли оно? Несомненно, ибо «Сам Бог призывает к покаянию и долготерпит на нас, не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут (2 Пет. 3, 9); Он в святом слове Своем объявил, что Иисус Христос будет судить всей вселенной правдою, чем милостивно предостерегает и поощряет к покаянию; обещал

грехов кающихся не помянуть и Свое обещание клятвой утвердил, чтобы не усумнились к Нему с покаянием приходить. *Живу Аз, глаголет Адонай Господь: не хощу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быти ему»* (Иез. 33, 11). Несомненно, как свидетельствуют о том «примеры покаявшихся и милость от Бога получивших», притчи о блудном сыне, потерянной драхме, заблудшей овце. Несомненно, ибо «Христос ради того и в мир пришел, чтобы грешников спасти (1 Тим. 1, 15), и радуется Отец Небесный со всеми ангелами о грешнике кающемся (Лк. 15, 10)» (2, 145–147).

Этими рассуждениями о христианской надежде, однако, «не подается случай или повод к бесстрашию и лениности, но пресекается путь к отчаянию». Равно отвергается христианской надежды, по мысли святителя, как тот, кто отчаивается в своем спасении, так и тот, кто излишне уповает на милость Божию, беспечно нерадя об исправлении своей жизни. «Есть Бог милостив, — говорит святитель, — но кающимся, а бесстрашных и нераскаянных суд Божий постигает» (3, 211; 27, 588).

Надежда христианская ободряет в трудах, опасностях, искушениях. «Надежда свободы увеселяет сидящего в темнице, надежда возвращения утешает отлучившегося от дома и отечества, надежда здравия оживляет болящего. Аще временных благ надежда человека так сильно ободряет, как не ободрит нас, о христианине, надежда вечных благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его»* (1 Кор. 2, 9). Христианская надежда укрепляет в подвиге, утешает во всякой печали. «Всякой скорби и бесчестию нынешнему, хоть и через все житие продолжится, конец смерть будет, но будущему веселию и славе конца не будет. Тогда забудет человек все беды и напасти; едино утешение, радость и веселие непрестанное будет иметь без конца» (27, 584–585).

6. Дела милосердия

«Истинная милость есть плод христианской любви», — пишет святитель Тихон. Сколь высока эта добродетель, видим из Священного Писания, когда, изображая Страшный Суд Божий, милость, оказанную ближним, «Христос Себе приписует». С другой стороны, милостью человек «милостивому Богу уподобляется» (3, 318).

Святитель выделяет дела «душевной милости» («скорбящего утешить», «заблуждшего на путь истины наставить», «сумнящегося вразумить» и проч.) и «милости телесной» («алчущего напитать», «жаждущего напоить», «нагого одеть» и проч.).

О необходимости для христианина дел «милости душевной» святитель пишет: «Требует от нас Христа Бога нашего спасительная воля, чтобы мы как своего, так и ближнего спасения искали и друг друга к покаянию и богоугождению поощряли. Требует и честь Христова христианам друг друга увещевать и отводить от бесчинного жития, чтобы имя Божие и христианское учение не терпело поношения от язычников». Ублажает милостивых Священное Писание: *блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7), как и предостерегает жестокосердых: *суд бо без милости не сотворшему милости* (Иак. 2, 13). К милости в отношении ближнего подвигает христианина братская любовь, от которой познается и любовь ко Христу. «Общество христианское, или Церковь, — пишет святитель, — подобна есть воинству. На брани мира сего един воин другого изнемогающего поощряет и подкрепляет: так и в брани христианской без взаимной помощи невозможна и победа»⁸⁰ (3, 319). На

⁸⁰ И приводит другой пример. «Когда в вещественном теле один уд немощствует, тогда другой немощному помогает. Так и в духовном теле без помощи ближнему невозможно здоровье всего организма».

необходимость дел милосердия в отношении равно всех людей святителю как бы указывает окружающая природа. «Создание Божие, — пишет он, — повелением Божиим всем равно служит. Солнце, месяц, звезды богатому и нищему равно сияют; облака богатому и нищему равно дождят, земля богатому и нищему равно плод дает. Убо тем поучаемся, что благими мира сего равно богатые и нищие довольствоваться должны». Ведь мы, «какое ни имеем добро, не свое, но от Бога данное нам имеем, которое дано нам не ради нас единых, но и ради ближних наших»⁸¹ (3, 321). Как заповедь Божия, так и «закон естественный требует, чтобы делать ближнему нашему то, чего хотим себе. Сами хотим есть, пить, одеваться, упокоеваться, убо должны и братии нашей то же делать. Понеже самые язычники, естественным законом движимые, над бедными милосердствуют». Если же и этим рассуждением не подвигается к милосердию окамененное сердце, святитель предостерегает, что не слышащего чужую мольбу не услышит и Бог в его молитвах. «Как скажешь: *Господи, помилуй*, когда сам не милуешь? Как будешь просить с прочими: *подай, Господи*, когда сам не подаешь, а можешь подать? Какими устами скажешь: *услыши мя, Господи*, когда сам не слышишь бедного или паче в бедном Самого Христа, вопиющего к тебе?»

Дела милосердия, как и подвиги других добродетелей, будучи совершаемы на земле, восходят на небо. «Ныне сии добрые семена сеять благоприятно, — говорит святитель, — да в Воскресение общее пожнем с радостью несравненно множайший и лучший во веки пребывающий плод». Богатство, «которое zde во имя Христово расточит-

⁸¹ «Следственно, — пишет святитель, — воздадут Богу ответ, которые данное от Бога добро не разделяют в честь Даровавшего, но или при себе удерживают, или расточают на роскоши и прочие непотребные расходы».

ся, то на небесах с великим ростом обрящется. Кто милует нищего, взаим дает Богу. Коль любезно и радостно будет явиться милостивому пред лицом *милостиваго и кроткаго Сына Божия со многой братией Его, которых во имя Его zde питал, напоял, одевал, упокоевал!* Коль желательнее того еще слышать от Судии праведного благоприятный глас оный: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие* (Мф. 25, 34). Напротив того, как ужасно будет немилостивым слышать страшный оный праведного Судии глас: *отыдите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. 25, 41)» (2, 164; 3, 318–323).

Но желающие в земной жизни заботиться лишь о себе и избежать вечного осуждения во все времена ищут оправдания своему немилосердию. И святитель показывает, как неосновательны их доводы⁸².

Задается святитель и вопросом, «что есть милость и как ее творить?» Не всякое доброе дело есть дело милосердия. «Милость есть, когда делается добро тем, которые никак у нас того не заслужили, иначе не милость, но воздаяние будет. Когда делается добро без всякой чаемой корысти от того, кто приемлет оное, иначе будет торг, или взаимодаяние». «Милость должно делать не ради тщеславия, чтобы похвалу от человек иметь, но во имя Христово, во славу Божию и ради пользы ближнего». Оказанной милостью не должно превозноситься, сделанное же «добро, сколько возможно, должно забывать: Божие бо даем, а не наше собственное». Подлинная милость «делается не с принуждения, но от любовного произволения, усердия и сердечного сожаления над требующим милости». Долж-

⁸² Не имея возможности привести эти возражения и ответы на них полностью, укажем лишь места, где эти замечательные образцы пастырской мудрости святителя можно найти: 3, 319–321 (о делах «духовной милости»); 3, 323–328 (о делах «милости телесной»); 5, 64–65 и др.

на подаваться милостыня «не от хищения и неправды, но от своих имений, Богом данных нам». Таким образом, бескорыстие, добровольность и тайна даяния, смирение, с которым оно подается, а также «благопреобретенность» средств, из которых оказывается благодеяние, — вот, по святителю Тихону, необходимые условия богоугодной милости, которую заповедано творить христианам⁸³.

Хотя «милость должно делать всем, кто требует милости», но необходимо учитывать и «нужду требующего» ее, как и возможности благотворящего: сердце и ничего не имеющего, что подать, да не смущается, сохраняя только свое доброе расположение: «за милость почитается не только дело, но и само усердие и желание к творению милости»⁸⁴.

В заключение святитель, приводя слова Господа без *Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), прибавляет: «Почему всякое добро истинное от Бога происходит, потому Богу его и приписывать должно. Тому единому как благих Источнику и Дателю благодарение, честь и слава подобает» (2, 163–164; 3, 328–330).

⁸³ Сам святитель, как уже упоминалось, благотворил из того, что жертвовали его почитатели, а также из пенсии, назначенной ему Св. Синодом, и всегда тайно. Вот как описывает митр. Евгений (Болховитинов) посещение святителем заключенных. «Иногда бывал он в Ельце так скрытно, что не ведали о том и тамошние друзья его. В случае скрытного приезда он останавливал свою повозку за рекой и пешком приходил к заключенным в темницы. При входе он сперва так, как детей своих, приветствовал их, садился с ними, расспрашивал каждого о вине заключения и, изведывая каждого совесть, утешал сперва, потом увещевал к великодушному терпению; наконец, при выходе оделял преступников милостыней, а заключенным по долгам давал выкупные деньги и поспешно удалялся из темницы в богадельни с таковым же подаванием, а после и из самого города. Вскоре узнавали о сем и граждане; все стремились увидеть его, искали его, но он уже был далеко и на пути останавливался только для перемены подвод» (6, «Записки», 54).

⁸⁴ Как верно и обратное: «не токмо тот хищник, который самим делом похищает, но и тот, который хочет похитить, но не может».

Ближе других к слову «милость» стоит слово «милостыня», в широком смысле обозначающее любое дело милосердия и, как было сказано выше, даже само желание совершить его (27, 515). Но в узком смысле милостыней называется то, что подается людям неимущим. Могут просить милостыню, не погрешая против закона Божия и своей совести, те, «которые подлинно нищенствуют по Божию Промыслу или которые расточают имения и дают убогим, и так самопроизвольно изволяют ради имени Христова нищету терпеть» (3, 332).

Милостыня предполагает молитву за тех, кто подает ее или о ком просят молиться. Но святитель советует не смущаться неизвестностью, будут ли молиться приемлющие подавание, ибо «милостыня, просто, от чистого и любительного сердца подаемая, без гласа молится, и более молится, нежели все человеки» (27, 516).

Быть может, на примере именно дел милосердия бывает видна недостаточность одного аскетического делания без его плодов — христианских добродетелей. «Лучше убо Бог услышит и примет милостыню твою, — пишет святитель, — нежели молитву, песнь и хвалу приносимую. Что бо молитва без милостыни? Как глас без силы. Без милости нашей к ближнему все наши неключимы дела, как дерево без плодов». «Знаю я некоторых, — приводит святитель Тихон слова святого Василия Великого, — которые постились, молились, воздыхали и прочую добродетель показали, но ни единого пенязя нищим не подали: какая от того польза?»⁸⁴ (27, 515–517).

⁸⁵ Сказанное о молитве относится и к посту, и к бдению. Но, думается, такое противопоставление есть скорее полемический прием, чем антитеза в буквальном смысле. Аскетические подвиги не только являются средствами к стяжанию добродетели, но и сами есть важнейшие христианские добродетели, благодатные состояния души. Подлинная

По мысли святителя, нищий так прибегает к милосердию богатого, как всякий христианин — ко Христу (27, 615). Господь дает всем без упреков и условий в пример имеющим, что дать. Ожидая милости от Бога себе, окажем ее, несравненно меньшую, нашему ближнему. И тем не «заслужим» милости Божией, а лишь покажем себя готовыми, способными воспринять ее.

Творением милостыни сам святитель занимался постоянно. Познав крайнюю нужду в детстве (он едва не был отдан на воспитание ямщику, так как овдовевшей матери нечем было кормить семью) и в юности (учась в семинарии, будущий святитель копал грядки, чтобы прокормить себя и посылать помощь домой), святитель до конца своей жизни благодетельствовал нуждающимся. «В один год, — пишет митрополит Евгений (Болховитинов), — при бывшем около Задонска неурожае и от того дороговизны хлеба, спасительнее всего была для бедных его помощь. Каждый день при воротах монастыря и при его келлии являлись алчные, которым он раздавал иногда деньги, а иногда хлеб, выпрошенный им у добрых помещиков, из коих он же многих приучил к человеколюбию и милостыноподаванию. Получавшие ублажали его сердечными благодарениями и

молитва как пребывание в беседе с Богом, созерцание Его; истинный пост как всецелое воздержание «от всякия скверны плоти и духа», чтобы не отступила от души благодать Божия; упражнение в терпении ради любви ко Христу, в подражание Ему, — все это не может быть по существу противопоставлено добрым делам («добродетели»), в частности, подаванию милостыни. Не может быть скупым сердце, которое опытно, в молитве познало милость Божию ко всему миру и к себе и потому любящее Бога и ближнего как самого себя; бесчувственной — душа, смиренная и «утишенная» постом. Противопоставляя молитву и милость, святитель под первой подразумевает, очевидно, молитву лишь внешнюю, глубоко не затрагивающую, а потому не изменяющую сердце человека (не делая такой оговорки из-за почти всеобщего именно такого поверхностного понимания молитвы или, повторим, усиливая, часто произвольно, свою точку зрения).

молитвами, а человеколюбивый сей поступок прославил имя его и по всем окружным сторонам. Но от сего самого сделался он уединеннее, меньше начал показываться народу и часто принужден бывал благотворить не лично, а через руки своих келейных» (6, «Записки», 50). А И. Ефимов замечает, что святитель «тот день, в который у него из бедных никого не было, крайне скучал, так что как бы о потере какой-либо приятной ему вещи печалился» (6, «Записки», 36).

Замечательно желание святителя и по смерти своей послужить ближним. «Года за два до кончины своей написал он завещание об образах страстей Христовых и о малом своем имуществе, как-то: о рубашках, фуфайках и о прочем одеянии. Завещание то вручил он одному из келейных своих с тем, чтобы после кончины его, преосвященного, образа святые вручить известным его благодетелям в благословение, а фуфайки (коих было числом 8) бедным детям-сиротам раздать; ковер же простой, который был набит соломой и на котором он почивал, и две собственные его подушки, тулуп овчинный, коим он вместо одеяла одевался, несколько рубашек, а притом две ряски ветхие, третья ряска шелковая, поношенная, два подрясника, малое число оловянной и деревянной посуды, все сие, по завещанию его, распродано, и вся сумма, а при том оставшиеся после него 14 р. 50 к. розданы бедным. Прежнее же свое одеяние шелковое, холодные и теплые подрясники и рясы на лисьем меху и прочее, приличное архиерейскому сану одеяние, пуховик с подушками пуховыми и одеяла хорошие, с первых годов своего в Задонском монастыре пребывания распродал он единственно для раздачи денег бедным на пропитание; а также и дарованную ему некогда лучшую рясу грезетовую продав, деньги употребил на бедных же вдов и сирот» (6, «Записки», 38–39).

Но еще выше милости для святителя Тихона стоит миротворчество: милостивым обещается только помилование от Бога, миротворцы же *сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 7, 9). В связи с этим приведем свидетельство митр. Евгения об этой стороне деятельности великого святителя. «Замечательное, — пишет митрополит, — сказывают о его посещениях: он часто приезжал к друзьям незванный и обыкновенно в такие для них случаи, когда его присутствие бывало для них по обстоятельствам очень нужно, так что без того хотели бы они сами призывать его. Сие случалось наипаче при раздорах семейств, при разделе наследств, при расстройстве детей и тому подобном. Когда появлялся он между ними, то встречаем был, как посланник небес, лобызаем, как благодетель и друг, и внимаем, как отец и наставник. Все его беседования одушевлены были кротостью и поучением к братолюбью. Никто не смел при нем изъявлять вражды, и кого он признавал виновным, тот беспрекословно и сам признавал себя. Он не выезжал из такого дома, пока не укротит строптивых, пока не примирит всех и не водворит согласия. Тогда удовольствие и радость его были совершенны, а оставляя их, призывал он на всех благословение Божие» (6, «Записки», 58). Так же поступал святитель и в монастыре. «Когда случалась между монастырской братией от козней вражеских и врожденной немощи человеческой какая-либо ссора и непримиримое несогласие, он, услышав о том, ссорившихся тех из братии призывал к себе в келлии с тем, чтобы их примирить, со истреблением из сердец их ненависти. А когда сам, будучи или богомыслием занят, либо по слабости здоровья не в силах был много говорить, то, услышав о ссоре и вражде между братией, посылал к ссорящимся для их примирения келейника от своего имени, в чем многократно, при Божией помощи, и успевал; по примирении же призывал таковых к себе,

беседуя с ними о должной жизни христианской и монастырской» (6, «Записки», 43).

7. Смирение

Подлинно христианская любовь невозможна без смирения. «Если высшая из добродетелей, любовь, по слову апостола, долготерпит, не завидует, не превозносится, не раздражается, николиже отпадает, то это потому, что ее поддерживает и ей споспешествует смирение». Рождается оно от страха Божия, «яко богобоящийся смиряется под крепкую руку Божию» (3, 238).

Многое о смирении можно заключить из того, что было сказано в разделе о противоположной ему гордости. Поэтому здесь сделаем только необходимые добавления.

Смирение, как и все христианские добродетели, есть дар Божий душе, в которой Господь провидит желание и способность принять этот дар, готовность умножить полученное и принести плод. «Не имеет человек истинного смирения от себя, — пишет святитель (равно как не имеет «от себя» веры, любви, страха Божия). — Божия благодать показывает ему его нищету, убожество, бедность, окаянство и ничтожество; и так, познавая себя, человек смиряется и, не надеясь на себя ни в чем, единому всемогуществу, премудрости, благости и милосердию Божию предается»⁸⁶ (27, 947).

Святитель говорит о «причинах», приводящих человека к смирению. Тому, кому Господь открыл глубину его падения, открывается и «многообразная хитрость

⁸⁶ В. Чеботарев вспоминает, как святитель говорил: «Я никогда и не мыслил о сем важном сане, чтобы быть мне епископом, а у меня мысли были непременно куда-нибудь удалиться в пустынный монастырь; но Всевышнего судьбе так угодно, что есмь недостойный — епископ» (6, «Записки», 4).

и вражда диавольская⁸⁷. Сего злоковарного врага сети и козни усматривает и от них уклоняет едино смирение». Видя многообразное зло как в себе, так и вокруг в мире, человек еще более смиряется сознанием того, что «без благодати Божией ничего благоугодного творить не может», и «понуждается от зла ли когда уклоняется, или доброе делает, благодати и милости Божией все то приписывать». Увещевает христианина к смирению и Священное Писание (притча о званых на вечерю и др.), и память о том, что на смиренное сердце дарования Божии не только изливаются, но лишь в нем, окруженном благодатью и страхом Божиим, как в сокровищнице, сохраняются; тогда как «надменная гордость и то, что имеет, погубляет». Без смирения невозможно истинное покаяние (которое само по себе, как свидетельство осознания своей падшести и неспособности своими только силами избавиться от греха, уже есть признак смирения); бесполезна бывает и молитва, обращающаяся в «безумные глаголы» евангельского фарисея. «К смирению также приводит нас, — продолжает святитель, — начало и конец наш. О сем конце размышление не допустит нас надыматься и паче прочих возноситься: яко всем, господам и рабам, богатым и нищим, следует по кончине един дом — земля, и в смрад и землю телом всякому обратиться и рассыпаться». Наконец, «кто смирения не имеет и не тщится иметь, тому опасаться должно, чтобы с диаволом, начальником гордости, не пасть и с ним вечно не быть отверженным от милости Божией» (3, 239–243).

⁸⁷ Святитель приводит слова блаженного Августина: «Се, — глаголет Августин, — распростер пред ногами нашими бесчисленные сети и все пути наши различными наполнил обманами, дабы уловить души наши. Сети положил в богатстве, сети положил в нищете, сети простер в пище, в питии, во сне и в бдении; сети простер в слове, в деле и во всем житии нашем» (3, 240).

Как и другие добродетели, смирение может быть истинным и ложным. Последнее святитель Тихон называет, как и другие мнимые добродетели, «лицемерием». Оно, в свою очередь, может проявляться тоже различно.

Первое наблюдение святителя касается отношений, имеющих место главным образом в миру. «Видим, как человек ищет над другими господствовать, — пишет он, приводя примеры внешне хотя и добрых дел (стяжание воинской доблести, ревностный труд, занятие науками), но делающихся «на недобрый конец», с тщеславной целью «победителем нарицаться и в ранг вступить», «разумным и премудрым почитаться или на высоком месте сидеть». — Всем сим неполезным, паче же и вредным замыслам корень есть гордость житейская» (3, 238). О заменяющей ее «гордости духовной», фарисейской и о смирении как единственном против последней оружии было сказано в соответствующем разделе.

Говорит святитель и о лицемерии, чаще проявляющемся в отношениях христиан, имея в виду тех, «которые вне показываются смиренными, но внутрь того не имеют. Многие отлагают чины и титулы мира сего, но не хотят отложить высокого о себе мнения; отрицаются чести и сана мирского, но хотят почитаться ради святости. Многие не стыдятся называть себя перед людьми грешниками или, что еще более, паче всех грешнейшими, но от других того слышать не хотят, и потому устами только таковыми себя нарицают. Иные, как серп, сляченную выю (согнутую шею. — *Примеч. авт.*) носят, но внутрь ум возносят. Другие низкие поклоны братии своей отдают, но сердцем непреклонны бывают. Многие мало и тихо, а иные и вовсе не говорят, но сердцем беспрестанно ближних порочат. Иные черной рясой и мантией тело покрывают, но сердце покрыть не хотят... Все таковые смирения на сердце не имеют и, по слову Христову, подобны гробом повапленным,

иже внеуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты» (Мф. 23, 27). Врачевание этого недуга святитель предлагает одно — подлинное смирение, которое «не токмо вне показывать, но наипаче внутрь должно стараться иметь»⁸⁸ (3, 244).

Указывает святитель и признаки истинного смирения. «Смирненное сердце, — пишет он, — видит грехи свои, бедность и ничтожество, и от всего этого познает свое недостойнство и окаянство». Потому не ожидает себе никакого благодеяния, напротив, считает себя достойным всякого злострадания. Когда же последнее постигает смиренного, он не гневается на обидчика, не ропщет и не негодует, но мужественно переносит всякое бедствие, презрение и бесчестие⁸⁹. Не осуждает и согрешившего, так как на себе познал немощь человеческого естества и силу соблазнов. «Смирненное сердце, — пишет святитель, — высшим послушание показывает, равных и низших себя не презирает, но со всеми обходится как с братией. Смирение бо всем склоняется, как и любовь»⁹⁰. Смиренный «лучшего дома, лучшего

⁸⁸ Внешне же истинное смирение должно проявляться прежде всего в послушании Богу, которое «состоит в том, чтобы христианин волю свою воле Божией во всем старался покорять и, что Бог ни повелевает, на то всеохотным себя показывать и не смотреть, что миру или плоти угодно, но что Богу есть благоугодно» (27, 752).

⁸⁹ После оставления кафедры святитель Тихон не служил Литургию, возможно, по причине «нерасположения к нему преемника; как видно, он не посещал уединившегося собрата и даже спрашивал Св. Синод, можно ли дозволить священнодействовать уволенному епископу, если того пожелает? Св. Синод нашел неуместным даже вопрос о сем, так как Тихон уволен был от должности по собственному желанию, и приказал снабдить святителя нужной для служения ризницей; но довольно было одного подобного вопроса, чтобы навсегда удержать Тихона от священнодействия в епархии, уже ему чуждой, чтобы не возбуждать неудовольствия ее нового предстоятеля» (6, «Записки», 53–54).

⁹⁰ Указанные признаки смирения в отношении ближних очень близки к признакам, которые присущи подлинной любви (см. раздел 4

одеяния, лучшей пищи и прочего не ищет, но довольствуется тем, что имеет, ибо и этого судит себя быть недостойным». Он «в собрании, на обеде на последнем месте сидеть избирает; без нужды не говорит, и то умиленно и кротко, и проч.». Смиранный, какое благодаяние и добро от Бога ни получает, видит, что без всякой заслуги своей и по единой Его милости получает, почему сердечно за все Бога благодарит, а какое добро делает сам, все то Богу приписывает, видя свою немощь». И последнее, о чем пишет святитель, перечисляя признаки смирения: «В истинном смирении примечается непрестанная алчба и жажда Божией благодати: смирение бо не смотрит на то, что имеет, но рассуждает и ищет, чего не имеет. Как бо учащиеся от книг и учителей, чем более учатся и навывают, тем более невежество свое видят, потому что далеко более не знают, нежели научились, так учащиеся в школе премудрости Божией тем более убогими себя познают, чем более причащаются дарований Божиих; ибо видят, что многого не имеют, почему и ищут со смирением и воздыханием». Последнее, очевидно, можно сказать и в отношении всех христианских добродетелей (2, 441; 3, 244–245; 5, 178–179; 6, 103).

Чтобы стяжать истинное смирение, святитель советует «почаще о величестве Божиим и о своей немощности духовной рассуждать», как и о непостижимом человеческой (настоящей главы). Сходны между собой и примеры из жизни святителя, в которых в полноте были явлены эти добродетели. В. Чеботарев вспоминает: «Смиреномудрие в нем было удивительное: из приходящих поселян стариков он сажал при себе и с ними ласково и много разговаривал о их сельской жизни, и, снабдив их нужным, отпускал радостными. Также близ монастыря живущих бедных крестьян, а паче вдов и сирот он на своем коште содержал, за них подати платил, хлебом кормил и одеждами одевал их. Словом, во всех нуждах помогал им... Смело скажу: он был, по Иову, око слепым и нога хромым» (6, «Записки», 13–14).

ским разумом смирении Христовом; повторяет и выше-сказанное: «не смотреть то, какое имеешь добро», приписывая его Богу и благодаря, «но какого еще не имеешь»; «помнить прежде бывшие грехи и рассуждать, что еще более и тягчае можешь согрешить, когда благодать Божия не поможет тебе»; наконец, «когда видишь или слышишь брата согрешающа, то не грех только его рассуждай, но и что прочее делает или делал, и так увидишь, что он лучший тебя».

О том, что главным оружием христианина является любовь, а против гордости — и соединенное с первой смирение, особенно наглядно свидетельствуют два случая из жизни святителя Тихона. Вот первый из них. «Дошел до святителя слух, что один из окрестных помещиков притесняет крестьян. Святитель отправился для вразумления помещика в его дом. Вспыльчивый дворянин заспорил. Святитель отвечал с кротостью, но твердо. Помещик все более и более выходил из себя и, наконец, забылся до того, что ударил святителя по щеке... Святитель ушел. Но на пути, верный заповеди Евангелия, решил просить у оскорбившего его прощения, что «ввел его в такое искушение», и пришедши, пал ему в ноги. Этот неожиданный поступок незлобивого пастыря до того поразил дерзкого помещика, что он сам со слезами упал в ноги святителю, заклиная простить его, и с тех пор совершенно изменился в отношениях со своими крестьянами» (6, «Записки», 55).

Похожий случай имел место в Задонском монастыре, когда святитель находился там на покое. Однажды послушника этого монастыря, переписывавшего творения святителя в его келлии, вызвал к себе настоятель. «Святитель отвечал, что он тотчас его отпустит, лишь он несколько строк напишет. Нетерпеливый настоятель, самолюбивый и вспыльчивый, посылает в другой раз. Писец, кончивши,

побежал к настоятелю, к которому вслед за ним пошел и святитель с тем, чтобы в случае, ежели настоятель будет гневаться на писца, вступить за него. Лишь только подходит, слышит шум и, отворив дверь, видит настоятеля, распаленного гневом. Не успев переступить порог, святитель получает от него сильную пощечину, — и тут же повергается к ногам его и просит у него же прощения. Изумленный сим поступком, настоятель оставляет свою запальчивость, устыжается оной и бросается перед ним на колени, просит прощения, и таким образом смирение святителя делает льва кротким агнцем» (6, «Записки», 50–51).

8. Терпение

Неизменным спутником христианской веры, надежды и любви является терпение, «которое всякое приключившееся бедствие преодолевает и ожидает или избавления, или облегчения в бедствии» (27, 1040). Терпение святитель определяет как «добродетель, во всяком страдании возлагающуюся на волю Божию и на святой Его Промысл» (2, 175). Оно «соизволяет страдать паче, нежели перед Богом согрешить, укрепляет в подвиге крестном, сохраняет от негодования и ропота, и не иное что есть, как сама вера» (3, 271).

Терпение — одна из тех добродетелей, необходимость которой естественна и понятна всем людям. «Житие человеческое от самого рождения до окончания всякими бедами исполнено, — говорит святитель, — и против всякого бедствия есть изрядное врачевство — терпение» (3, 270). Но христианское понимание терпения отличается от любого другого двумя главными особенностями. О первой святитель пишет так: «Терпение истинное есть не токмо не отмщевать, но и не хотеть отмщевать оби-

девшему, не чувствуя обиды и болезни в сердце своем⁹¹. Таковой подлинно миру, плоти и греху *умре, а живет Христу*», имея сердце, возрожденное благодатью Святого Духа, добрым подвигом упражнения в добродетели научившееся не колеблясь подчиняться воле Божией (27, 1040). Вторую и главную особенность (которая для первой является условием и основанием) святитель видит в том, что «истинное терпение христианское от веры происходит», почему, избегая как мстительности, негодования, так и отчаяния, «сдается во всем на волю Божию» (3, 270–271).

Зная, сколь многотруден подвиг христианского терпения, святитель многообразно увещевает к нему. Первое, о чем необходимо помнить, это то, что «всякое неблагополучие, бедствие и страдание по Божию Промыслу бывает. *Благая и злая, живот и смерть, нищета и богатство от Господа суть*», — приводит святитель Тихон слова Иисуса, сына Сирахова (11, 14). Но поскольку Бог Сам благ, то ничего, кроме блага, от Него произойти не может. Потому «плотскому только нашему рассуждению бедствие кажется быти зло; но, понеже от Бога благого посылается ради пользы нашей, благо есть», и «наказание, через беды и напасти бываемое, есть знамение Божия милосердия к нам». Далее, терпения от христианина «требует правда Божия» (человеку-грешнику «лучше zde наказану быти и с благодарением терпеть, нежели во оном веке без конца мучиму быти»⁹²); «требует честь Божия» («чтобы мы ради нее всякое приключаящееся бедствие терпели», как терпе-

⁹¹ Не из презрения к обидчику, которое считает обидевшего недостойным мести, а из искреннего сожаления о нем и прощения, рождающихся от любви ко Христу.

⁹² «Зде наказует Бог и утешает, а там несть утешения, — говорит святитель, — zde наказания легкие, отеческие, а там жестокие, zde маловременные, а там — вечные».

ли, отвергнувшись себя ради Христа, все святые угодни- ки Божии); «требует и любовь Божия» (с одной стороны, в терпении мы подражаем Господу, перенесшему за нас крестные муки, как бы разделяя их с Ним, что есть дело любви; с другой — любовь побуждает нас желать постоянно пребывать в воле Божией, неся свой крест⁹³. Наконец, подлинная любовь испытывается скорбями, в которых она терпением Бога ради и обнаруживается).

Терпением мы хотя бы отчасти подражаем долготерпению Божию, являемому миру. «Сколько имеется страшных хульников, — говорит святитель, — которые на имя Его святое страшные отыгают хулы? Сколько безбожников, которые отвергают присносущное Его бытие? Сколько гонителей и еретиков... Сколько прочих грешников, которые явно и бесстрашно закон Его святой нарушать не опасаются! Но благодать Божия все терпит. Сим великим долготерпением Его научаемся и мы врагам нашим терпеть». А подражая Богу в долготерпении к миру, *во зле лежащему*, человек сподобляется благодатной помощи и утешения, делается «сообразным Христу, Сыну Божию, яко уд Главе». Терпением христианин побеждает своих врагов, в самом себе — «ветхого человека», побеждает и самого диавола (как свидетельствует

⁹³ Особенно исполнением заповеди о любви к врагам. Такой пример смиренного терпения святителя встречается в «Примечаниях к „Запискам“ И. Чеботарева». «Однажды святитель шел по монастырскому двору, на котором рабочие кололи дрова. Прежде святитель обличал их за какие-то грехи, и теперь они, вспомнив об этом, стали поносить его: „Вон наш ханжа, ходит по монастырю, все ханжит!“ Не ограничиваясь бранью, они даже стали бросать в сторону святителя поленья. Несмотря на свою скорбь, о которой святитель Тихон поведал после своему близкому другу о. Митрофану, имея полное право требовать наказания досадивших ему, святитель великодушно простил обидчиков, произнеся только: „Господь сказал нам: *любите враги ваша и благословляйте клянущих вас*“ (Мф. 5, 44)» (6, «Записки», 51).

о том история праведного Иова), в мужестве же своем остается непобедим⁹⁴.

Попускаемые страдания хотя и бывают действительно велики, но грехи наши всегда делают нас достойными несравненно большего, попущенное же Богом искушение, по слову Священного Писания, никогда не превосходит наши силы (1 Кор. 10, 13). Когда же они иссякают, и терпеть кажется невыносимо, «нисходи умом во ад, — увещевает святитель, — и рассуди, как то осужденники мучатся и во веки будут мучиться, которые, ежели бы можно было, желали бы zde хоть до скончания мира в огне гореть, только бы от вечного освободиться мучения». Напротив, «возведи умные глаза в небесные селения и осмотри всех жителей: ни одного не сыщешь, кто бы терпения путем ни пришел туда. Помяни и об ужасном страдании мучеников святых. Правда, что они терпели все сие помощью Христовой; но та же помощь Христова и ныне всем готова терпящим».

Наконец, святитель и с точки зрения здравого смысла побуждает своих читателей к великодушному перенесению скорбей. Умножение их — явление повсеместное для времени, когда «умножившуся беззаконию, уже иссякла любви многих (Мф. 24, 12). В таких обстоятельствах нечего ожидать, кроме насилия, озлобления, гонений». Помимо бедствий и скорбей, другой отличительной чертой последних времен является необычайное развитие в людях гордости. А поскольку «в благоденствии человек возносится, сего ради Бог посылает человеку крест, чтобы смирялся и тако не потерял вечного блаженства. Нет бо иного пути на небо, кроме пути крестного», пространный же, по

⁹⁴ «Может терпеливый лишен всего быти, может изгнан быти, может биен быти, может в темнице заключен быти, может убиен быти, только победим быти не может».

слову Евангелия, ведет в погибель (Мф. 7, 13). Терпение и обществу «великую пользу приносит», сохраняя любовь и согласие его членов.

«Терпением облегчается страдание, — пишет святитель. — Страждущий смотри на тех, кто бóльшую имеет скорбь и болезнь, но терпит. Помышляй и так в себе: «Ведь до сего времени терпел я, убо и далее такожде можно терпеть»; такое размышление утвердит в терпении». Опять же, «терпеть или не терпеть и роптать в страдании, однако ж того не миновать, что суд Божий нам определил; а от нетерпения мзда погубляется». Наконец, «если страдание жестокое, то скоро прекратится смертью, которая всякое страдание и бедствие, хотя бы и долгое было, прекращает; если же легкое, сносно есть, и удобно можно терпеть» (2, 175–177; 3, 272–278).

Терпение для стяжавших его, по слову святого Иоанна Златоуста, становится «радости пристанищем». Терпение, «как якорь, — пишет святитель Тихон, — который, во глубину Божия милосердия с верой поверженный, не попустит кораблецу нашему разрушиться» среди бурного бедрами моря мира сего. И так «душа терпеливая всегда в покое и тишине пребывает, и чем более терпит, тем больший покой и тишину внутрь себя чувствует», обретая их в Призывающем к Себе *труждающихся и обремененных*, достигнуть Которого не иначе возможно, как одним терпением (27, 1039).

9. Чистота и целомудрие

Хотя в своих творениях святитель Тихон «рассуждения не положил» о грехах явных и грубых, однако в вошедший в историю своими свободными нравами XVIII век нельзя было вообще обойти молчанием тему целомуд-

рия. Касаясь ее, святитель полагает, что «всяк естественным законом и совестью убеждается таковых (очевидных. — *Примеч. авт.*) грехов берещись» (3, 153), а потому главное внимание уделяет состоянию сердца, небрежение о котором может привести к падению и самим делом.

По мысли святителя, христианин должен хранить чистоту, ибо находится в Церкви, которая есть Невеста Христова. «Посредства» для ограждения сердца от нечистых помыслов и впечатлений предлагаются следующие. «Мало ешь и пей, — пишет святитель в «Наставлении некоему брату». — Никогда не будь празден, но делай что-нибудь. Помни всегда, что пред Богом ходишь, и берегись не токмо делом, но и мыслью грешить. Как мысль худая приходит, тотчас отгоняй от себя и молись: *Господи, дай мне смирение, целомудрие* и прочие добродетели! Глаз от смотрения на красныя (красивые. — *Примеч. авт.*) лица и ушей от песней скверных береги и не прельщайся таковыми. В церкви стоя, не смотри по сторонам, но в землю смотри и к алтарю святому, а ум к Богу возводи. Чувства бо наши, наипаче слух и видение, суть как двери, которыми всякое зло входит в сердце наше, и хожем ли, или не хожем, ударяет тое и влечет к тому, что или ухо слышало, или око видело» (2, 225; 27, 1175)⁹⁵.

⁹⁵ Неожиданный в этом смысле взгляд на одно из творений святителя Тихона встречаем у епископа Варнавы (Беляева) в его труде «Основы искусства святости». «Какую пользу и как человек может получить от созерцания видимых вещей, — пишет он, — показал святитель Тихон Задонский. Он целых три года трудился над большим томом «Сокровище духовное, от мира собираемое». В нем он преследует две цели. Одна — как «от всякого случая и от всякого видимого создания к невидимым можно рассуждение обращать и духовно пользоваться». Другая — показать, как человек, не уходя в пустыню и пребывая в миру, может освободить себя от дурных впечатлений, лежащих на душу подобно каким-то липким и гнусным отпечаткам с окружающих вещей, лиц и событий» (19, 50). Эта способность стала, вероятно, для свя-

Целомудрие есть украшение христианской души, оружие против «похоти плоти» и один из признаков «духовного мудрования», тогда как щегольство есть признак «плотского мудрования» и свидетельствует об отсутствии целомудрия (27, 1152).

тителю навьком. Возможно, и по этой причине святитель, как пишет в своих «Записках» И. Ефимов, «когда усердствующие к исполнению христианской должности обоего пола господа и прочего звания прибегали к нему за советами, не имел таких свойств, чтоб уговаривать кого-либо идти в монахи, а желающим в оное звание многим отсоветовал, указуя точию на общие христианского жития правила» (6, «Записки», 30), — не в последнюю очередь, видимо, потому, что нашел способ оградить внутренний мир христианина от внешних вредящих духовной жизни впечатлений (который и предложил в названном творении). Несколько десятилетиями позже преподобный Серафим Саровский говорил Н.А. Мотовилову: «Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы яко зерно горушно, — и оба двинут горы» (цит. по 20, 205).